

Мои воспоминания¹

В декабре 1879 г. я, по службе помощник исправника, приехал из Якутска в г. Вилюйск и остановился на общественной квартире под проезжающих.

В то время управлял округом (за исправника) казачий офицер, командированный из Якутска.

При отъезде моем из Якутска я был предупрежден, что содержащийся в Вилюйской тюрьме Н. Г. Чернышевский крепко не ладит с администрацией, поэтому я должен быть крайне осторожным и употребить всевозможные меры к прекращению этих неурядиц, но в то же время строго выполнять инструкцию по надзору, не подавая поднадзорному вида, что он арестант, и что над ним тяготеет надзор².

Такое поручение для меня, тогда еще совершенно молодого, неопытного (мне было 23 года), было очень затруднительно; я даже говоря откровенно, не понимал его. Во всю дорогу до Вилюйска у меня не сходила с ума мысль: как это строго исполнять инструк-

¹ Некоторые из передаваемых о настоящих воспоминаниях сведений были сообщены со слов автора А. М. Серебренниковым в статье: «К пребыванию Н.Г. Чернышевского в Вилюйске» («Сибирский Архив», 1915, М 5)—*Ред.*

² Н. Г. Чернышевский был привезен в Вилюйск 11 января 1872 г. В то время в Вилюйске было всего десятка два домов и десятка три якутских юрт; жителей насчитывалось около 500 человек. Тюрьма, в которую поместили Н. Г., представляла собою обведенное палью деревянное здание квадратной формы, с пятью камерами, общей комнатой и коридором. Н. Г. занимал угловую камеру, других арестантов не было. По инструкции, Н. Г. не должен был выходить из квартиры без жандармского унтер-офицера, посторонние могли навешать его не иначе, как с разрешения жандармского унтер-офицера или исправника; на ночь дом запирался, и один из унтер-офицеров должен был наблюдать за Н. Г., не обращая на это его внимание... Время от времени строгости усиливались. Так, в сентябре 1872 г., в связи с задержанием и бегством Г.А. Лопатина, имевшего намерение освободить Чернышевского, в Вилюйск был командирован из Иркутска адъютант ген.-губернатора для проверки состояния надзора за Чернышевским; в августе 1873 было дано предписание об усилении надзора; в декабре 1874 г. и январе 1875 г. даны такие же предписания; в апреле 1875 г. предписано усилить надзор за перепиской Чернышевского, а в мае — не допускать к нему никого, кроме лиц, обязанных посещением по закону; после неудачной попытки Мышкина освободить Чернышевского, имевшей место в июле того же 1875 г., Чернышевский был временно изолирован в пределах тюремного частокола под присмотром ефрейтора и шести солдат. См. «Минувшие Годы» 1908 г., №3, статья NN: «Н. Г. Чернышевский в Вилюйске (по архивным данным)».

цию, чтобы поднадзорный не замечал этого? Раздумывая о таком поручении, я пришел только к тому заключению, что ничего я тут не придумаю и бесполезно подготавливаться; приеду, познакомлюсь и увидим, как нужно будет поступать. Человек, с которым я должен буду иметь дело, вероятнее всего, сам даст мне возможность, как человеку подначальному, выполнять мой долг службы без ущерба той и другой стороне. Так оно и случилось.

По приезду в Вилюйск я узнал, что Н. Г. за последнее время очень нервно расстроен и при первом моем свидании с ним, вероятно, будет жаловаться на исправника. Этого хотя не случилось, но могло случиться, как я сам убедился потом. Если Н. Г. ничего не сказал мне о том, что творилось в Вилюйске до моего приезда, то, мне думается, только потому, что не хотел посеять раздора между нами или считал это слишком мелочным.

Переночевав на общественной квартире, я на другой день переехал на квартиру старушки вдовы Карякиной, к которой приходил обедать Н. Г. Старушка эта — старая знакомая моих родителей и знавшая меня с детства — очень была польщена тем, что я предпочел поселиться у нее, и при первом же свидании многое сообщила мне про Вилюйск. Между прочим и про Н. Г. она рассказала, что его недавно запирали в тюрьме на три дня без выпуска за то, что он написал что-то такое на бумаге³. Запертый Н. Г. сидел в камере и резал перочинным ножом дверь с целью выхода; теперь он сильно скучает; вероятно, скоро придет к вам.

На вопрос мой, у всех ли бывает здесь Н. Г., словоохотливая старушка ответила мне: «Нет, он ходит не ко всем, но к вам придет непременно, потому я говорила с ним о вас, как о своем знакомом, и он высказал, что познакомится с вами», если только я не буду похож на остальных мне подобных».

Из этих разговоров со старушкой я понял, что Н. Г. может свободно выходить из тюрьмы в город и бывать у жителей, что не

³ По предписанию якутского губернатора от 23 февраля 1879 г. за № 680 Н. Г. был лишен права выхода в течение трех дней «за то, что в писании своем допустил ложные и крайне неприличные выражения».

безызвестно было областному начальству, невыпуск же из тюрьмы последовал только, как мера карательная.

Познакомился я с Н. Г. случайной в тот же день, как переехал на квартиру к Карякиной. В часа три дня я услышал из другой комнаты разговор жены моей с кем-то в нашей спальне. Сначала я не обратил внимания на этот разговор, но затем меня поразила интонация голоса одного из разговаривающих. Это был не обыкновенный говор, а какие-то стоны: человек, говоривший с женой, не то плакал, не то стонал.

Н. Г., не зная о моем переезде на квартиру к Карякиной, пришел к ней обедать. Хозяйка дома вышла на кухню, а в этот момент вошел Н. Г. и попал в нашу спальню, где он ранее постоянно обедал. В ожидании хозяйки, он сел на стул; в это время входит жена моя и с удивлением видит сидящим совершенно незнакомого ей старичка, в очках, в енотовой шубе. Немало изумился и Н. Г.: он ожидал здесь встретить, по обыкновению, хозяйку, а к нему вышла молодая незнакомая женщина. Я подошел к разговаривающим в тот момент, когда Н. Г. и жена моя, отрекомендовавшись друг другу, начали говорить о том, как Н. Г. попал в эту комнату, по близорукости своей совершенно не заметив перемену в обстановке. Извинившись в своей ошибке, Н. Г. собирался было уходить, но жена моя, предупрежденная мною ранее о том, что мне желательно было бы познакомиться с Н. Г. где-нибудь в частном доме, а не официально в тюрьме, старалась удержать его разговором, желая дать мне возможность выйти к нему. Войдя в комнату, я отрекомендовался, также и Н. Г., а затем он снова начал извиняться, что попал к нам по ошибке. Я ответил ему: «Вам, Н. Г., вероятно, известно, что я приехал сюда на жительство; так или иначе вам придется познакомиться со мною, то не лучше ли начать наше знакомство с этого момента, и если вы ничего не имеете, то я прошу вас остаться у нас и разделить нашу скуку, но предварительно просим вас пообедать». Тогда Н. Г. сказал: «Я думал, что наше знакомство начнется при других условиях, и, конечно, не частно, но случай дал мне понять, что вы предпочли познакомиться со мною частно, а не в тюрьме, и уже,

не успев приехать в прекрасный Виллюйск, скучаете; тогда я вернусь к вам». Вслед за этим Н. Г. вышел в другую комнату, где, пообедав, в продолжение не более пяти минут, вошел к нам и, поздоровавшись, сказал: «Ну, теперь здравствуйте, я к вам и уже не по ошибке». Тут Н. Г. как будто повеселел и начал смеяться над собой, говоря: «Нужно же было так случиться, что вместо того, чтобы попасть к Евпраксии Гавриловне (хозяйка), попал в будуар молодой женщины! Ну, будем думать, что это к лучшему».

Далее пошло рассматривание нас и расспросы. Посмотрев на меня, Н. Г. сказал: «Такой молодой, а уже полицейский». Спросил жену, давно ли она замужем, а когда она ответила, что только второй месяц, Н. Г. улыбнулся и сказал: «Ну, ничего, поживете и в Виллюйске, не будете очень скучать, я буду забегать к вами вот мы, молодая компания, будем пить и веселиться». Я, зная, что Н. Г. не пил вина совершенно, ответил ему: «Компании мы будем очень рады и будем веселиться, если угодно, как это сумеем; но что касается до выпивки, то разве будем пить только чай, а водки и вин ни я, ни жена моя не пьем». Тогда Н. Г. сказал: «Плохо, в таком случае вы не понравитесь здешней интеллигенции и вас будут сторониться. Ну, да это не беда. Если вы не пьете, то пьяное общество и самим вам не понравится, и вот на этом мы сойдемся».

Затем Н. Г. рассказал нам, что он в жизни только раз почувствовал себя пьяным, выпив на обеде с друзьями рюмку мадеры, при покупке которой произошел такой курьезный случай: в Петербурге в известный винный погребок Елисеева он зашел купить мадеру высшей марки. Отпустили ему за 3 рубля бутылку, достав ее из ящика; в это самое время входит в погребок молодой человек, франтовски одетый, с моноклем на глазу, который потребовал отпустить ему бутылку мадеры в 12 рублей. Продавец, сам Елисеев, нисколько не смущаясь, достал из того же ящика, из которого отпустил и ему, бутылку, завернул ее в бумагу и передал покупателю, заплатившему 12 рублей. Долго Н. Г. оставался в недоумении, не зная, как объяснить этот случай: он заплатил за бутылку мадеры 3 рубля, а другой за ту же мадеру заплатил 12 руб. Не выяснив такой

разницы, Н. Г. не хотел уйти из погребка, почему и обратился к Елисееву с вопросом: следует ли ему доплатить 9 рублей? Елисеев ответил, что у него нет мадеры дороже 3 рублей, а скажи это такому покупателю, как приходивший, то он обесславит фирму и будет кричать на весь Петербург, что у Елисеева нет порядочной мадеры; все равно этот франт выпьет купленную мадеру с полным убеждением, что ее стоимость 12 рублей бутылка.

В это время подали самовар. Я предложил Н. Г. стакан чаю; он, видимо с удовольствием, взял стакан, поставил его подле себя на стол и продолжал разговаривать, а чай так и остался на столе невыпитым. И это повторялось каждый раз; Н. Г. никогда не отказывался от чая, принимал всегда стакан, но почти за пять лет нашего знакомства с ним не выпил у нас ни одного стакана.

Продолжая разговаривать, я услышал, что кто-то вошел в смежную комнату, и вышел узнать, кто именно. Оказалось, что вошел казачий унтер-офицер из числа стражи тюрьмы. На вопрос мой, что ему угодно, казак ответил: «Здесь Ч—й?». Получив утвердительный ответ, казак, нисколько не смущаясь, сел на скамью, что меня удивило; я вынужден был вновь его спросить: а что ему далее нужно у меня? Тогда казак ответил, что уйдет вместе с Н. Г. Такой ответ привел меня в раздражение, и я, сознаюсь, по молодости своей не выдержал и, упустив из виду, что только за перегородкой сидит Н. Г. и может слышать весь наш разговор, громко сказал казаку: «Раз ты узнал, что Ч—й у меня, то должен удовлетвориться этим и уйти. Я, как полицейский чиновник, буду иметь надзор сам, и Н. Г. в свое время будет в тюрьме; прошу и в будущем этого не делать, когда узнаете, что Н. Г. у меня или у исправника». С этими словами я повернулся и ушел; ушел и казак. Конечно, Н. Г., разговаривая с моей женой, услышал мой разговор с казаком и когда я, взволнованный, вошел в комнату, он ласково сказал: «Не волнуйтесь, молодой человек, не то еще увидите. Вот так меня и изводили. Представьте себе, принесут мне книгу — «Вестник Европы» и «Отечественные Записки» — и не уйдут до тех пор, пока я не выдам расписки. Просто возмутительно, не хотят мне поверить моей же книги». Крайне

недовольный собой тем, что я позволил себе забыться и громко заговорить — как будто для того именно, чтобы Н. Г. услышал и мог подумать, что я умышленно заговорил громко, с целью показать свою власть в угоду ему, я несколько призадумался, что, конечно, не ускользнуло от наблюдательности Н. Г., который со смехом сказал: «Ничего, ничего, тут, кроме смешного, ничего нет». Посидев еще с полчаса, Н. Г. начал собираться уходить. Я тоже собрался проводить его, желая пройтись, а он мне сказал: «Разве вы боитесь, что я убегу?» Тогда и я ему ответил: «В декабре месяце при 40 градусах мороза бежать из Виллюйска невозможно. Я хотел только прогуляться и, вероятно, жена не откажется сопровождать нам». Тогда Н. Г. с видимым удовольствием сказал: «Ну, тогда идемте, а то будет поздно вам возвращаться, хотя здесь совершенно спокойно и вы, вероятно, никого не встретите». Проводив Н. Г. до ворот тюрьмы, мы распрощались, а Н. Г., входя уже во двор, сказал нам: «В следующий раз я вам расскажу, как я заплутался в Виллюйских лесах, отправившись по грибы, и какую здесь подняли тревогу, воображив, что я бежал». Этот случай был мне известен еще в Якутске. За год до моего приезда в Виллюйск, Н. Г. вышел из города в лес по грибы и заблудился. Нашли его на другой день бродившим в лесу верст за пятнадцать от города, совершенно утомившимся и голодным.

Первое свидание мое с Н. Г. произвело на меня приятное впечатление. Я убедился в том, что с ним можно ладить при устранении совершенно ненужных строгостей и формальностей, очень раздражающих его.

При следующем посещении нас Н. Г. рассказал про тот случай, как он заблудился, а когда я ему сообщил, что про это я знал еще в Якутске, Н. Г. сказал мне: «Значит, теперь вы лишите меня удовольствия ходить в лес по грибы?» Я ответил ему: «Такого запрещения я не намерен делать, но буду просить вас не удаляться слишком далеко от города и прогуливаться по тем местам, где вы можете ориентироваться». Н. Г. мне ответил: «Теперь, наученный горьким опытом, я сам не решусь далеко отходить от города».

Не раз Н. Г. наделял нас грибами, но только, к сожалению, пользоваться ими приходилось не всеми, потому что часть грибов были не из тех, которые мы употребляем в пищу, а другие были настолько старые и червивые, что их невозможно было есть. Собираатель этого не разбирает, а берет все, что попадет.

Н. Г. курил из мундштуков, выделяемых из жимолости им самим. Увидав, что я курю тоже из мундштуков, он не раз снабжал меня мундштуками своей работы, сделанными настолько аккуратно и чисто, что не отличишь их от мундштуков фабричной работы.

При следующей встрече с Н. Г. я сообщил ему, что, «во избежание всяких разговоров и недоразумений, я решил всю вашу корреспонденцию передавать вам лично, тотчас же по получении, но вы должны будете подготавливать расписочки в получении, которые требуются от нас, и передавать их мне». Этим, видимо, Н. Г. остался доволен и только сказал: «А это для вас не будет обременительно?» В конце каждого месяца Н. Г. передавал мне аккуратно подшитые, пронумерованные расписки и при одной передаче сказал: «Вот вы же нашли способ более просто передавать мне корреспонденцию, почему же ранее так не делали ваш исправник и его помощник, а казак торчал у меня до получения расписки?» Я, желая прекратить этот разговор, ответил ему: «Ну, это, может быть, и не по распоряжению исправника или его помощника, а излишнее усердие казака, как говорит русская пословица: «услужливый дурак хуже врага». Н. Г. усмехнулся и сказал: «С вами согласен, но только отнесу это не к казаку».

На весь Вилюйский округ, с 80.000 населением, во время моей службы было только два чиновника: исправник и его помощник; первый — почти постоянно в округе, а на последнем лежали все остальные обязанности. Тогда не было ни мировых судей, ни следователей, ни почтовой конторы; вся эта часть лежала на обязанности помощника исправника, получавшего 52 рубля жалованья в месяц; он же и вахтер — хлебный, пороховой и соляной, он же и почтмейстер, принимающий и отправляющий корреспонден-

денцию, денежную и простую, как казенную, так и частную. При полицейском управлении не было даже секретаря, а занимались письмоводством, по частному найму, два малограмотных казака. Кроме перечисленных обязанностей помощника исправника, на него возложена была губернатором обязанность, *в свободное от занятий* время, заниматься преподаванием в казачьей школе (конечно, безвозмездно) арифметики, так как учитель школы, казак, был очень слаб в познаниях по этому предмету. Исполняя это поручение, я вынужден был в 9 часов утра отправляться в школу и заниматься с казачьими детьми один час, а затем уже обращаться к прямым своим обязанностям.

Исправника, казачьего офицера, сменил приехавший из Иркутска помощник почтмейстера, Третьяков, старик 80-ти лет, совершенно несведущий в делах по администрации, как специалист только по почтовому делу. Вот с этим-то исправником, с самого приезда его, у Н. Г. пошла неприязнь и неурядицы, доводившие меня до крайне затруднительного положения. Посоветоваться было не с кем и приходилось улаживать эти неприятные отношения с большим трудом, да и то благодаря только тому, что исправник мой, вероятно, чувствуя свою неспособность в делах, не слишком проявлял свою власть, что давало мне возможность почти самостоятельно действовать по управлению и направлять отчасти самого исправника.

При одном из свиданий Н. Г., заметив, вероятно, мое переутомление работой, высказал: «Где же справедливость вашего начальства: кто работает, как бык, тому платят 50 рублей в месяц, а кто ничего не делает, как только шьет затычки к болтам, получает более 100 рублей?» Здесь я должен пояснить, что Н. Г. однажды, зайдя к исправнику по делу, застал его сшивающим из тряпок затычки к оконным болтам. Вот этот случай Н. Г. указал мне, как пример деятельности исправника, да и кроме этого говорил что-то, только я не припомню. Вообще Н. Г. очень неприязненно относился к исправнику и совершенно не стеснялся в моем присутствии в

резких выражениях по его адресу, чем иногда ставил меня в крайне неловкое положение.

За время пребывания в Виллюйске Н. Г., при моей службе там (в продолжении 4 лет и 8 месяцев), я не видал его вполне здоровым. Нервы его настолько были расшатаны, что, когда он чувствовал себя нехорошо, то разговор его походил скорее на стоны, и в таком состоянии он не выносил даже плача ребенка, уходя сейчас же от меня, как только услышит плач моей девочки. Бывали и такие случаи, что Н. Г. довольно долго разговаривал и даже шутил; видимо, тогда он чувствовал себя в лучшем состоянии здоровья.

В Виллюйске я вел знакомство с врачом и чиновником акцизного ведомства, они заходили иногда ко мне, и у нас составлялся преферанс. Однажды эти знакомые зашли ко мне, а вслед за ними зашел и Н. Г. Мы вели общий разговор. Прошло полчаса, один из гостей (кажется, врач) задал мне вопрос: «А что, А. Г., сегодня у нас, вероятно, преферанс не состоится?» Я промолчал, считая неудобным отвечать, но Н. Г., конечно, не упустил этого случая и с улыбкой сказал: «Ну, так что же, вы хотите заниматься, а я пойду гулять; занимайтесь, занимайтесь, это невинное занятие, во всяком случае гораздо лучше, чем кража со взломом».

Иногда Н. Г. заставлял меня дома в охотничьем костюме, когда я собирался пройтись с ружьем. На мне бывало пальто серого солдатского сукна, барашковая шапка, сапоги (по местному названию торбаза) верхоянской выделки из конской кожи. Тогда начинался полный всесторонний осмотр меня и подробный опрос, где и как выделывается такая кожа, при чем даже ощупывалась обувь и получала одобрение. Конечно, и при этом случае не обходилось без критики. После осмотра было сказано: «Настоящий императорский стрелок».

Н. Г., получая казенное пособие — 16 рублей в месяц, задумал послать жене своей в подарок мех из лисьих шкурок, которые хотя в то время были недороги в Виллюйске (3 рубля шкурка среднего сорта), но тем не менее потребовалась бы порядочная сумма. В уплату этой суммы он просил удерживать часть денег из его по-

собия, несмотря на мизерность этого пособия, совершенно даже недостаточного на его содержание. Когда Н. Г. обратился ко мне как бы за советом: возможно ли будет исполнить его желание и каким способом, — я был поставлен в затруднительное положение: с одной стороны, мне очень не хотелось отказать ему, а с другой стороны, в моем распоряжении не было никаких свободных сумм, из которых я мог бы сделать заем на покупку шкурок, по крайней мере рублей 120; но тем не менее я пообещал Н. Г. переговорить об этом с местным купцом, Л. А. Кондаковым, выезжавшим тогда на ярмарку в Якутск и занимавшимся покупкой и продажей мехов. Купец этот, к моему удовольствию, сочувственно отнесся к моей просьбе, обещаясь устроить мех из имевшейся у него партии лисьих шкурок, конечно, имея ответственным в платеже лично меня, хоть этого он мне не высказал. Получив такое согласие купца, я вручил ему письмо на имя губернатора, которое предложил купцу лично передать губернатору. В письме этом я просил губернатора, если он не имеет препятствий к выполнению купцом Кондаковым просьбы Н. Г., не отказать разрешить ему исполнить ее. Я сообщил губернатору и предложенный Н. Г. способ уплаты. На письмо мое я от губернатора ответа не получил, но возвратившийся из Якутска купец Кондаков передал мне следующее: «Когда письмо ваше я лично передал губернатору, он, прочитав его, очень любезно предложил мне садиться и, подумав немного, сказал мне: я вас прошу сделать этот мех из лучших лисьих шкурок, стоимость вам будет немедленно уплачена». В тот же день губернатор сделал распоряжение прислать к купцу скорняка. Таким образом, мех был изготовлен в самый короткий срок и передан губернатору, а последний, вызвав купца, показал ему квитанцию почты об отправке ценной посылки на 150 рублей супруге Н. Г. и тут же уплатил купцу 150 рублей. Об удержании из пособия Н. Г. денег, употребленных на изготовление меха, я никакого распоряжения не получал, а пособие выдавалось ему в том же размере⁴). До возвращения купца в

⁴ В июле 1882 г. из Вилюйска в Якутск отправлялся Лаврентий Алексеевич Кондаков. Чернышевский просил через Кокшарского губернатора о выдаче Кондакову авансом за счет его со-

Виллюйск Н. Г. не раз обращался ко мне с вопросом: «А что вы придумали относительно меха, о котором я с вами говорил?» Я отвечал, что сейчас ничего не могу сказать, а вот, когда возвратится Л. А. (купец), я лично передам результат о заготовке меха. После этого я узнал, что Н. Г. чрез день, чрез два заходил к семье купца и справлялся, когда ожидают его возвращения. В день приезда купца, под вечерок, Н. Г. зашел ко мне и, приняв обычный стакан чаю, который, конечно, не выпил, завел разговор совершенно о посторонних обстоятельствах, не касаясь меха. Между прочим разговором я сообщил ему о возвращении купца, он ответил мне: «Да, я это знаю», но и тут никакого вопроса о мехе. В это время вышла к нам жена, которую я попросил на время оставить нас одних, а когда жена ушла, передал подробно Н. Г. об отсылке меха его супруге. Выслушав меня, Н. Г. встал и, с видимым удовольствием пожав мою руку, сказал: «Искренно вам признателен за ваше содействие; я был почти уверен, что вы что-нибудь сделаете, и поэтому только обратился к вам, а не к исправнику, этот дурак все бы перепутал. Ну, а зачем вы выгнали жену, здесь никакого секрета не было, просите же ее к нам». Не ограничившись выраженной мне благодарностью, Н. Г. написал мне письмо, в котором повторил свою благодарность, а также искренно благодарил губернатора за любезное исполнение его желания. Я полагаю, что письмо это было написано в тех видах, что содержание его будет известно губернатору, писать которому лично Н. Г. не счел нужным. Письмо побывало где следует, а теперь оно хранится у меня.

Мне постоянно приходилось пребывать в городе, а исправник разъезжал по округу, — хотя и ничего не делал, но уезжал, как говорится по-нашему, по-канцелярски, во избежание переписки. Оставаясь один в Виллюйске, я не стеснял себя форменной одеждой, а ходил в частном костюме, как более удобном и нестеснительном. В таком костюме я не раз заходил в тюрьму. В один вечер я зашел в тюрьму и застал Н. Г. сильно расстроенным. Он сразу обратился ко

держания денежной суммы в уплату за мех. Губернатор распорядился о выдаче ссуды в 100 руб. из благотворительных капиталов, с начислением в год на 6%.

мне с таким вопросом: «А, вы пришли ко мне по службе, ну, обыскайте и ищите, что вам нужно». Это меня крайне поразило, и я остался в недоумении, почему именно Н. Г. предположил, что я пришел его обыскивать, так как ранее при моих частых посещениях тюрьмы мне не задавалось таких вопросов; но, отнеся этот случай к болезненному настроению, я ответил ему: «Сегодняшнее посещение мое действительно служебное, и оно заключается только в том, что я принес вам полученные с почты ваши книги и письмо». Тогда Н. Г. почти вскрикнул: «Ну, тогда вы простите меня, старика, и извините за то, что я вас оставляю на минутку», и, взяв письмо, вышел в коридор, где, прочитав его, возвратился; мне показалось тогда, что настроение его несколько изменилось к лучшему, и он спокойно заговорил со мною. Я спросил его: «Ну, как дома живут?» Он ответил: «Ничего, ладно». Уходя из тюрьмы, я все думал о том, чем именно было вызвано предположение Н. Г. о приходе моем с целью обыска и пришел к заключению, что во всем этом оказалась виновной моя форменная фуражка с кокардой, которую я по рассеянности надел с частным костюмом и, войдя в камеру, положил на принесенные книги, что Н. Г. увидал прежде всего. Одевался я в частный костюм отчасти и потому, что мне не хотелось мозолить глаза Н. Г. полицейской формой; тем более я был уверен, что, если я выйду в город в полицейской форме, то Н. Г. никогда не пойдет со мною рядом, а мне частенько приходилось проходить с ним до тюрьмы и даже иногда пройтись и по городу. Такое отступление от порядка ношения форменной одежды я со своей стороны и не считал каким-либо нарушением, так как мне предписывалось иметь строгий надзор и так, чтобы поднадзорный не замечал этого.

По распоряжению областного начальства следовало отремонтировать тюрьму: весь корпус побелить известью, перебрать печи, а в некоторых камерах перестлать полы. Выполнение этого ремонта взял на себя сам исправник и явился в тюрьму в полной парадной форме с револьвером на кушаке, приведя с собой и подрядчика по ремонту. Я в этот раз не пошел в тюрьму, предположив, что там

неприменно произойдет обычная стычка исправника с Н. Г., при которой мне не хотелось быть свидетелем. Предположение мое вполне оправдалось. Прождав возвращения исправника более часа, я пошел в тюрьму и застал там самый горячий спор между исправником и Н. Г. Последний был в возбужденном состоянии. При входе моем в камеру я услышал такое выражение Н. Г., обращенное к исправнику: «Зачем вы хотите убить меня медленной смертью? Лучше повесьте, вы способны на это. Ваш ремонт, я уверен, причинит мне смерть: мои легкие, глаза и весь организм не вынесут той сырости, пыли и грязи, какими вы намерены наградить меня. Я положительно протестую против этого и в камеру свою не пущу рабочих по ремонту». Видя, что пререкания исправника с Н. Г. зашли очень далеко, и я не в состоянии прекратить их, я ушел из тюрьмы; вслед за мною вышел и исправник, который собирался выехать в округ, почему распоряжения свои по ремонту тюрьмы возложил на меня, чем и развязал мне руки. Вечером этого же дня Н. Г. зашел ко мне. По голосу его я заметил, что возбужденное его состояние все еще продолжалось. Поздоровавшись со мною, он стал извиняться, говоря: «Ну, вы меня извините, я сегодня хотя и видел вас, но так был расстроен, что даже не поприветствовался с вами; этот дурак чуть не довел меня до белого каления, а с другой стороны мне и не хотелось говорить при вашем глупом начальнике». Я ему ответил: «По поводу ремонта вы будете далее иметь дело со мной, и мы в другой раз поговорим об этом, а теперь не пойдем ли лучше в лес резать палки (жимолость) для мундштуков». Н. Г. охотно согласился, и мы, беседуя, отлично прогулялись; я заметил, что Н. Г. несколько успокоился и даже начал подшучивать. Когда мы подошли к тюрьме, я пригласил Н. Г. к себе выпить чаю, но он, конечно, отказался, сказав: «Я чувствую себя несколько утомленным и после таких прогулок всегда ложусь спать, мне лучше спится; поэтому сегодня меня извините, а завтра я зайду».

На другой день Н. Г. зашел и первым делом завел разговор о ремонте тюрьмы, задав мне вопрос: «Неужели и вы будете настаивать на побелке моей комнаты?» Я ответил ему, что комната

его останется без ремонта, а к ремонту остальных камер будет приступлено ныне же; «вероятно, вы против этого ничего не будете иметь?» Ответ: «Конечно, ничего».

Чтобы выиграть время, я затянул ремонт, но сейчас же сообщил губернатору частным письмом, что в виду болезни Н. Г. и отзыва врача о возможном ухудшении его здоровья вследствие такого ремонта (хотя я врача к не спрашивал), не признает ли начальство возможным вместо побелки камеры оклеить ее недорогими обоями, а верх обтянуть недорогой тканью, что, вероятно, незначительно повысит стоимость ремонта. В ответ на это письмо было получено распоряжение немедленно измерить стены и потолок камеры. Тогда я обратился к Н. Г. с просьбой произвести это измерение, так как я сделаю это не особенно аккуратно, а никого другого не имею, чтобы поручить это дело. Н. Г. с видимым удовольствием согласился и при этом даже подсмеялся надо мною, когда я ему посоветовал быть осторожным, когда он будет измерять потолок. Он мне со смехом ответил: «А зачем я полезу наверх? Я измерю пол, и будет одно и то же». Когда измерение было произведено и сведения направлены в Якутск, были получены белые порядочные обои и ланкорд для потолка. Камера была оклеена, а потолок обтянут под руководством и с помощью самого Н. Г.⁵ По окончании работы мы убедились в точности произведенного измерения. Из присланного материала осталось полкуса обоев и вершка 4 ланкорда. Конечно, Н. Г. не оставил это изменение ремонта без объяснения и настоятельно спрашивал меня — вследствие чего последовало изменение? Я, желая отклонить от себя инициативу, сказал ему: «Вероятно, исправник сообщил об этом», но Н. Г. с недоверием и усмехнувшись сказал: «Ну, тут ничего нет вероятного», а затем я узнал от врача, что в беседе с ним Н. Г. отнес все это ко мне и высказал свое опасение, не на свой ли счет я это сделал; но врач положительно уверил его, что я не мог этого сделать по одному тому, что начальство мое произведет когда-либо

⁵ Оклейка камеры имела место в августе 1881 г. По измерению Н. Г., камера имела 9 арш. 14 вершк. в длину, 8 арш. 10 вершк. в ширину и 4 арш. 6 вершк. в высоту; 6 кв. арш. площади было занято печью; в камере было два окна, каждое вышиною в 26 вершк. и шириною в 18 вершк.

осмотр тюрьмы, обнаружит мое произвольное изменение ремонта, и мне придется объясниться по этому поводу.

Мне было известно, что Н. Г. в продолжение зимних ночей что-то писал, а под утро все написанное сжигал. Однажды я спросил его, для чего он это делает. Он мне ответил: «Да, вам это известно? Ну, тогда я вам скажу для чего я это делаю: если бы все это время я ничего не писал, то я мог бы сойти с ума, или все перезабыть; а то, что я раз написал, этого уже не забуду, и вам советую, молодой человек, если вы что-либо хотите сохранить в своей памяти, то напишите это, а затем хоть выбросьте». Этим благим советом я постоянно пользовался в дальнейшей моей службе. Во время содержания в тюрьме Н. Г. был воспрещен всякий литературный труд. Однажды, беседуя со мною, Н. Г. обратился ко мне с вопросом: «А скоро вы собираетесь в округ?» Я ему ответил, что никаких сборов пока не делаю, так как мне совершенно неизвестно, предстоит ли мне выезд. Тогда Н. Г. сказал мне: «Да, значит, вы не знаете, что ваш исправник подписал сам себе диплом дурака. Ему лично было поручено губернатором расследование одного довольно сложного обстоятельства в улусе (волости) округа, и он, не зная, как взяться за это дело, вошел к губернатору с представлением, прося его разрешения перепоручить это дело помощнику исправника, т.-е. вам, допустив в этом представлении такое глупое выражение, что он просит перепоручить расследование *для пользы дела*». При этом Н. Г. от души хохотал. Я был поражен тем, откуда Н. Г. почерпнул такие сведения, тогда как об этом ничего я не знаю, и пришел к заключению, что секрет этот выдал письмоводитель исправника. Действительно, так и было. Я принял это поручение и окончил его довольно быстро, но самой бумаги и ответа губернатора на представление исправника я не видал; они были скрыты от меня. Из писем моих сослуживцев в Якутске я впоследствии узнал, что в Якутске чиновники очень смеялись над смыслом такого курьезного представления исправника, а губернатор, при докладе начальника отделения областного управления, сказал ему: «Разрешите исправнику перепоручить это расследование своему помощнику,

раз исправник сам сознается, что от него не будет пользы для дела».

Служа с исправником Третьяковым, я был убежден, что он, совершенно непонимающий своих прямых обязанностей, рано или поздно совершит какую-либо колоссальную глупость или противозаконное деяние, за что и пострадает. Это мое предположение впоследствии вполне оправдалось. По тяжбе двух обществ, якутского и крестьянского, о надельных землях Третьяков совершил совершенно противозаконное деяние с корыстной целью (чего я от него не ожидал), в явный разорительный ущерб якутского общества, по жалобе которого генерал-губернатору было назначено следствие. Третьяков, отстраненный от должности, уехал в Иркутск, где и умер до решения этого дела. Так закончил свою служебную деятельность этот пресловутый исправник, оказавшийся не только несведущим в делах, но и корыстолюбивым.

В половине августа 1883 г., под вечерок, я, взяв ружье, отправился прогуляться в лес по тракту на Якутск. Отойдя от города с версту, я услышал топот лошадей и свернул с дороги в лесок. Спустя немного времени, по дороге из Якутска выехали из леса на верховых лошадях два жандарма, в полной форме, с проводником и одной вьючной лошастью с багажом. Я сначала подумал, не повторяется ли история, случившаяся за 4-5 лет тому назад (до моего приезда в Вилюйск, некий политический ссыльный, прибывший в Вилюйск в форме жандарма, по фамилии Мышкин, покушался освободить Н. Г.), но, сомнения мои несколько рассеялись потому, что эти жандармы ехали открыто по Якутскому тракту, имели при себе проводника и вьючную лошадь, чего не могло быть при въезде в Вилюйск личности, подобной Мышкину.

Возвратившись в город, я сейчас же отправился к исправнику, где и застал виденных мною жандармов. Исправник облачился в полную парадную форму, с револьвером на кушаке и сказал мне: «Ну, Н. Г. увозят от нас». Тогда я взял лежавшую на письменном столе бумагу и прочитал ее. Краткое содержание ее было такое: «Государь император по всеподданнейшему докладу министра В.

Д. повелеть соизволил перевести Ч-го в Европейскую Россию», а далее указывался порядок отправки Н. Г. в Якутск⁶. Исправник с жандармами направились в тюрьму, а я остался ожидать возвращения исправника в его квартире, признав с своей стороны, что здесь двум нечего делать, тем более, что исправник не предложил мне следовать с ними.

В виду возможного случая освобождения Н. Г. по подложным официальным документам, как это имело место ранее, освобождающие обязаны были предъявить еще частное письмо губернатора, подтверждающее официальные документы. Требование этого письма исправник мой, конечно, упустил из вида, тогда я вынужден был обратиться к жандармскому унтер-офицеру и сказать: «Мы не можем допустить вас в тюрьму, так как вы не предъявили нам еще одного документа о передаче вам Ч-го». Исправник выпучил свои глаза, он даже не знал, какой это документ, а жандарм, взглянув на исправника как бы с состраданием и улыбнувшись, достал из-за обшлага мундира письмо губернатора и подал его мне. Когда исправник и жандармы уходили в тюрьму, я предупредил их быть осторожными в обхождении с Н. Г., сказав им: «Я сегодня видел его, он выглядит очень плохо, нервозен и вообще имеет вид больного человека». Исправник мне ответил: «Ну, ладно, радость никого не губит», а затем они ушли.

Я просидел в квартире исправника с час времени и, не дождавшись его возвращения, пришел к убеждению, что мне нужно отправиться в тюрьму, — верно там опять произошла какая-либо обычная стычка исправника с Н. Г. Так оно и случилось. Когда я пришел в тюрьму и вошел в камеру Н. Г., то застал следующее: жандармов в камере не было, они поместились в другой камере, у дверей камеры стоял парнишка якут, сын истопника лет 7—8, ис-

⁶ Сенатский указ о переводе Н. Г. в Астрахань последовал 15 июня 1883 г. Телеграфное распоряжение об этом перемещении было отдано 14 июля. Предписывалось доставить Н. Г. о Иркутск и далее о Астрахань, принять «возможные меры к охранению от огласки проезда Чернышевского в виду устранения возможности нежелательных выражении сочувствия и каких-либо беспорядков». 2 сентября Чернышевский был доставлен в Якутск. В Астрахань он прибыл 27 октября (см. «Былое Сибири», Томск, 1923, №2, ст. Н. Бакай: «К вопросу о последних днях Н. Г. Чернышевского в Сибири»).

правник сидел за столом, перед ним лежала бумага, а Н. Г. очень взволнованный ходил взад и вперед по камере. Когда Н. Г. увидел меня, то возвышенным тоном сказал: «Ну, вот прекрасно, что вы пришли, а то мы с этим дураком ничего не можем столковаться; он столько же понимает, как вот этот парнишка». Положение мое было незавидное, я не знал, что я могу тут сделать и как уладить. Я обратился к Н. Г. со следующими словами: «Н. Г., вы вынуждаете меня раскаиваться в том, что я зашел; видя ваше настроение и выражение, мне остается только уйти, а вопрос настолько серьезный, что нужно бы было обсудить основательно». И после этих слов я и действительно намерен был уйти, но Н. Г. подошел ко мне и сказал: «Ну, я прошу вас извинить меня, старика, я погорячился, прошу вас остаться, обещаю быть более воздержанным». Конечно, я не мог не исполнить просьбы Н. Г., тем более, что исправник собирался уходить и, взяв бумагу, вызвал меня в коридор, где, передавая мне бумагу, сказал: «Возьмите бумагу и отправляйте его как знаете, а я не мог с ним сговориться». Исправник ушел, а я возвратился к Н. Г., который, увидав меня одного, спросил: «А где же тот?» и получив ответ, что ушел, попросил меня сесть, сказав: «Ну, теперь можно поговорить. Скажите, пожалуйста, что хотят со мною сделать, куда отправляют, снова в крепость, или что другое? Из слов исправника я ничего не мог понять, я просил его показать мне ту бумагу, о которой он мне что-то говорил, но он отказал мне в этом, сославшись на какую то инструкцию». Я ему ответил, что вопрос этот нам следует обсудить всесторонне, — «Вам предстоит перемещение в Европейскую Россию». Тогда Н. Г. попросил меня дать ему прочитать ту бумагу. Хотя по инструкции это не дозволялось, но я, приняв во внимание, что надзор наш заканчивается, и что от прочтения этой бумаги никаких неблагоприятных последствий быть не может, сказал ему: «Хорошо, Н. Г., я дам вам прочитать бумагу, с условием, что вы прочтете ее только в той части, что относится до вас, а ту часть, в которой изложено распоряжение, относящееся до чинов полиции, вы читать не будете». Ответ: «Я даю вам слово, что прочту только ту часть, что относится до меня». Я передал бумагу Н. Г.,

он прочитав первую часть ее до слов: «предписывается полицейскому управлению», возвратил бумагу, сказав: «Ну, больше мне ничего не нужно». Затем Н. Г. сел на кровать, немного подумал и сказал: «Да, ошибку отца хочет поправить сын, но это поздно уж теперь».

Далее пошел у нас разговор, каким способом и как доехать Н. Г. до Якутска. Я ему объяснил, что, как ему известно, от Вилюйска до Якутска нет тележного пути, следовательно ему придется ехать на верховой лошади. Н. Г. опять несколько взволновался и ответил мне: «Да вы хотите, чтобы я на староста лет сел на лошадь? Я не поеду, копайте здесь могилу и хороните меня». Такой ответ привел меня в полное недоумение, что тут делать и как отправить его, — водным путем в лодке немыслимо, может не доехать, да и этот способ отправки совершенно устранен начальством. Обдумав все это, я вспомнил, что наши купцы ведущие торговлю в Колымском округе (3000 верст от Якутска), возили туда своих жен, устраивая им качалку (в роде детской люльки) между двух лошадей на палках. Вот этот способ передвижения передал я Н. Г. который, выслушав меня, иронически ответил: «Да, хорош способ, это то, чтобы передняя лошадь меня лягала, а задняя кусала, не поеду, копайте яму». Ну, тогда я ничего не мог придумать и сказал ему: «Теперь я не знаю, что делать, переговорю с исправником, вероятно, придется гнать нарочного в Якутск и просить отложить выезд ваш до первого зимнего пути». Тогда Н. Г. встал и, подойдя ко мне, прочувствованным голосом сказал мне: «А. Г., вы не раз мне оказывали любезность и благорасположение, за что я приношу вам искреннюю сердечную благодарность, а теперь, быть может, в последний раз прошу вас, во-первых, не передавать нашего разговора исправнику, а во вторых, не посылать нарочного в Якутск. Я прожил в Вилюйске одиннадцать лет, и если придется ждать еще зимнего пути, то я уверен, что при своем расстроенном здоровье я не дождусь этого. Подумайте еще, я почему-то уверен в том, что относительно способа передвижения вы придумаете что-либо целесообразное». В этот вечер так с Н. Г. ничего и не могли вырешить, и я ушел из

тюрьмы в полном недоумении, что мне делать. В эту ночь сон мой был очень тревожный, и как только пробужусь, сейчас же пришел на память этот неразрешенный вопрос; уже под утро мне пришла на ум следующая мысль: отправлю я Н. Г. в зимнем экипаже, устрою ему на дровнях короб, подстелю кошму, положу подушку. Пара лошадей, запряженная в дровни, одного человека без багажа всегда протащит от станции до станции, хотя бы и по песчаной дороге. В средствах нечего было стесняться, денег на прогоны было выслано более, чем нужно. С надеждой на согласие Н. Г. на передвижение таким способом, я на утро пошел к нему. Н. Г., поздоровавшись со мною, сказал мне, что его тревожила всю ночь та мысль, как он поедет из Виллюйска. Меня всегда поражала наблюдательность Н. Г., он почти всегда безошибочно определял настроение человека по одному его виду и на этот раз, посмотрев на меня, сказал: «Вижу, А. Г., что вы что-то имеете мне сообщить по поводу моей поездки, ну не томите, придумали ли что-нибудь?». Я сообщил ему свой план отправки. Н. Г., сидевший рядом со мною на своей кровати, встал и, взяв меня за руку, сказал: «Ну, не говорил ли я вам, что вы придумаете что-либо целесообразное? Благодарю вас, теперь этот вопрос решен окончательно и удовлетворительно, а далее я в полном вашем распоряжении и, относясь к вам с полным доверием, я больше не буду вмешиваться в это дело, зная, что вы устроите все и без моих указаний, которые, быть может, совершенно непригодны к данному случаю». Я, поблагодарив за доверие, сказал: «Я воспользуюсь предоставленным мне правом распоряжаться и вот сейчас же предъявляю к вам такое требование: вам придется в пути переезжать речки и болота, а быть может где и пройтись, ваш экипаж очень низкий и возможно, что будет заливаем водой, что вызовет необходимость вставать в экипаже на ноги, поэтому требуется непременно одеть непромокаемую обувь, которая и предлагается вам мною. Вы осматривали на мне эту обувь и одобрили ее, так вот, в силу необходимости, вы должны надеть эту обувь и короткое пальто из солдатского сукна, как защиту от дождей, последнее вы также видели на мне и таким обра-

зом временно преобразиться в стрелка, как вы назвали меня, увидав в этом костюме». Н. Г. ответил мне: «Ну, хорошо, если все это я отберу у вас, то как же ваша охота?» Я ему ответил: «Не беспокойтесь: во-первых, у меня есть чем заменить, а во-вторых, исправник на этих днях выезжает в округ, я останусь в городе один, и для меня всякая охота уже миновала, так как мне невозможно будет отлучаться из города». На этом мы вполне сошлись с Н. Г. Далее Н. Г. спросил меня: «Можно ли будет завтра выехать из Вилюйска?» Я ответил ему, что это невозможно, нужно заготовить провизию для пути и такую, которая не могла бы испортиться, время летнее, ранее трех дней выезд немыслим. Затем Н. Г. продолжал: «Я прожил в Вилюйске одиннадцать лет, все жители относились ко мне хорошо, и я думаю, что они, интересуясь моим отъездом, выйдут поглядеть, как я поеду, ведь тракт на Якутск проходит почти через весь город».

Из этих слов я понял, что Н. Г. видимо желал избежать таких проводов, в этом убедило меня еще и то, что с приездом жандармов, Н. Г. совершенно прекратил посещения своих знакомых, не заходил и ко мне, поэтому я составил план отправки его, избежав всяких проводов.

Тут же Н. Г. встал, взял с полки книгу и, передав ее мне, сказал: «Я вас прошу засвидетельствовать вашей супруге мое глубочайшее почтение, с пожеланием ей здоровья и всего хорошего, а эту книгу передайте ей от меня на память». Я усердно поблагодарил Н. Г. за такое его расположение к нам. Книга эта — «Последние песни» Некрасова, на ней следующая надпись: «Ольге Филаретовне Кокшарской в знак глубокого уважения от Чернышевского». В конце этой книги имеется карандашная заметка рукою Н. Г.: «Читал мне сам 4 марта», также имеются и другие его заметки. Книга эта хранится у меня, как драгоценность. Затем Н. Г. высказал: «Я бы с удовольствием вам написал, что со мною сделают и куда поместят, но я вам не желаю зла; тот, кому я буду писать, будет считаться у вас неблагонадежным». Вероятно, это самое и побудило Н. Г. прекратить свои посещения знакомых. Он, конечно, не доверял жандар-

мам, почему и не хотел показать вида, что вел частные знакомства в Виллюйске.

Надпись на книге меня очень обрадовала, я убедился, что Н. Г. искренно относился к нам благожелательно и что такой человек, как он, не сделает такой надписи из пустой вежливости⁷.

Отъезд Н. Г. мною был назначен в 12 часов дня, это для публики, а на самом деле отправил я его в 4 часа утра. В ночь перед отъездом Н. Г. очень волновался, не спал и уже в 2 часа ночи, войдя в камеру, где помещались жандармы, будил их, говоря: «вставайте, пора ехать».

К назначенному часу я потребовал лошадей, а себе заседлал свою лошадь. По приезде в тюрьму я застал Н. Г. уже одетым в путь, жандармы также были готовы к отъезду. Я просил их заготовить квитанцию приема путешественника и вручить ее мне там, где я расстанусь с ними. Предупрежденный мною исправник пришел на площадь перед тюрьмой.

Путешественники вышли из тюрьмы. Исправник стоял в стороне, а я на противоположной от него стороне.

Н. Г. начал пристально осматривать присутствующих, как бы ища кого-то глазами и, увидав меня, быстро подошел ко мне и, держа меня за руку, сказал: «ну, прощайте, А. Г., живите здорово и благополучно, прощальный привет вашей супруге. Благодарю вас за все то, что вы делали для меня. Вот вам еще письмо, в котором помимо моей благодарности, я удостоверил, что всю корреспонденцию, адресованную мне, я получал от вас исправно. Быть может, после моего отъезда от вас будут требовать какие либо объяснения по моим делам, так вот я гарантирую вас этим письмом. Советую вам бросить эту службу и не прозябать в Виллюйске, я уверен, что вы способны на что-нибудь лучшее». Все это время Н. Г. держал меня за руку, а затем крепко пожал ее, отошел от меня, издали, не снимая шапки, кивнул головой исправнику, сказал: «Ну, прощайте», и сел в сани.

⁷ В статье А.М. Серебренникова, о которой мы уже упоминали, сообщается со слов А.Г. Кокшарского, что Н. Г. подарил ему еще тетрадь своих заметок, но он её сжег.

Все сказанное мне Н. Г. на прощание так меня тронуло, что я не мог удержать слез, но чтобы скрыть их от присутствующих, пошел ловить свою лошадь, пущенную мною на волю. Сев на лошадь, я скомандовал: «За мной!», и весь поезд наш спустился под тюрьму, минуя город, а далее по проселочной дороге, выехали на тракторную дорогу в Якутск. Жандармы сначала удивленно посмотрели на меня, но затем поняли, кажется, мою цель, почему я сделал маленькую окружность, а Н. Г., когда я ехал рядом с его санями, с улыбкой сказал мне: «Что, А. Г., по грибы поехали». Я промолчал, конечно, и Н. Г. понял, для чего все это было сделано. Все время, пока я ехал рядом с экипажем Н. Г., он любовался побежкой моей лошади (неважный иноходец) и говорил мне: «Мне не приходилось видеть такой побежки, да она совершенно не трясет вас». Отъехав от города версты три, я остановил поезд, получил от жандармского унтер-офицера квитанцию в приеме путешественника, а затем подошел к саням и, пожелав Н. Г. здоровья и благополучного пути следования, расстался с ним.

Через 8 суток Н. Г. благополучно доехал до Якутска, а как он отправился из Якутска — мне неизвестно.

В день отъезда Н. Г., часов в двенадцать дня, было заметно движение публики в городе, часть ее двинулась к тюрьме, но было уже поздно, — в это время Н. Г. вероятно был уже верстах в двадцати от Вилюйска. Этот необходимый обман вызвал немало неудовольствия на меня жителей Вилюйска, в том числе и моей жены.

С прибывшей из Якутска почтой я получил посылку: мою обувь и пальто, в которых уехал Н. Г., и в этой же посылке оказалась стопа почтовой бумаги большого формата, что меня не мало удивило, но на почте оказалась бумага по адресу Управления с препровождением этой бумаги, которая высылается, как сказано в бумаге, в уплату долга Н. Г. мне, тогда как Н. Г. никогда должным мне не был; а у нас был разговор о том, что во всем Вилюйске нельзя было достать листа почтовой бумаги, почему мы были вынуждены пи-

сать письма на простой бумаге. Вот этот разговор вспомнил Н. Г. и оказал мне посылкой любезность.

Заканчивая свои воспоминания с глубоким прискорбием, мне остается только сказать:

Мир праху твоему незабвенный, добрейший, благороднейший многострадалец Николай Гаврилович.

Искренно благодарный тебе за твои добрые советы и расположение, с чувством глубочайшего уважения к твоей памяти.

Якутск, 12 января 1927 г.

Примечания *Н.А. Алексеева*.

OCR Андрей Дуглас